

УДК 314

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-142-161

Семьи с миграционной историей в контексте политики социального развития региона

Н. А. Ткачева, А. В. Юдашкин*

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Тюмень, Россия

**ajelers@gmail.com*

Аннотация. В ситуации иммиграции семья оказывается под давлением новых условий жизни, воздействие которых так или иначе изменяет социальный статус, образ жизни семьи, ее членов, систему ценностных ориентаций, мотивацию жизнедеятельности. Массовидность международной миграции семей в Россию делает актуальной исследовательскую задачу выявления связанных с этим основных тенденций трансформации института мигрантской семьи и социокультурной ситуации в принимающем обществе, социальных эффектов этой трансформации для всех ее участников (в контексте сохранения национальной социокультурной самобытности семьи, а также социального, экономического и политического развития территории). В статье актуализируется теоретическая и прикладная значимость «проявления» семей мигрантов как формы миграционного поведения и предмета социологического исследования как недостаточно изученного феномена, порождающего новые формы семьи, непосредственно влияющего на процессы интеграции мигрантов в принимающее общество, на само это общество, на семейность населения. Решение этих исследовательских задач затруднено отсутствием официальной статистики миграции семей, из-за чего невозможно оценить масштаб данного социального явления. В связи с этим авторы попытались на основе статистических данных, характеризующих иные количественно измеряемые аспекты миграционных процессов, продемонстрировать возможность применения метода Ферми для приблизительной оценки миграционного прироста семей. Получены примерные оценки числа семей мигрантов, въехавших в Россию/Тюменскую область за 2017–2021 гг. из трех стран СНГ (Киргизской Республики, Республики Узбекистан и Республики Таджикистан). Информация может быть использована в научных целях в рамках продолжения исследований семьи, а также для оценки эффективности различных государственных программ миграционной и семейной политики в регионе.

Ключевые слова: семья мигранта, семейная миграция, статистика миграции, семейная политика, Тюменская область

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00377 «Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России».

Для цитирования: Ткачева, Н. А. Семьи с миграционной историей в контексте политики социального развития региона / Н. А. Ткачева, А. В. Юдашкин. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-142-161 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 4. – С. 142–161.

Families with migration history in the context of regional social development policy

Nina A. Tkacheva, Andrey V. Yudashkin*

Industrial University Tyumen, Tyumen, Russia

West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

**ajelers@gmail.com*

Abstract. When a family immigrates, they face the pressure of adjusting to new living conditions. These changes can have a significant impact on the family's social status, lifestyle, members, system of value orientations, and motivation for life activities. The considerable migration of families to Russia necessitates the identification of key trends in the transformation of migrant family institutions and the socio-cultural conditions within host societies. It is essential to examine the social impact of this transformation on all parties involved, including the preservation of national socio-cultural identities of families, as well as the social, economic and political development of the region. The article highlights the theoretical and practical importance of migrant family "manifestation" as a migration behavior and sociological research topic, which is still poorly studied. This phenomenon generates new family forms and directly impacts the integration processes of migrants into the host society, the society itself, and the family structure of the local population. The authors faced difficulties in resolving research tasks due to the unavailability of official statistics on family migration, which impedes the estimation of the magnitude of this social phenomenon. To address this issue, they aimed to showcase the applicability of the Fermi method to approximately gauge the growth of family migration based on statistical information pertaining to other quantifiable facets of migration processes. The authors have estimated the approximate number of migrant families entering Russia/Tyumen region during 2017 to 2021 from three CIS countries (the Kyrgyz Republic, the Republic of Uzbekistan, and the Republic of Tajikistan). This information can be used for scientific purposes as part of the continuation of family research, as well as to evaluate the effectiveness of various state programs of migration and family policy in the region.

Keywords: migrant family, family migration, migration statistics, family policy, Tyumen region

Acknowledgements: The article was prepared based on research supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00377 "Family on the move: theoretical and empirical problems in the context of labor migration in Russia".

For citation: Tkacheva, N. A., & Yudashkin, A. V. (2023). Families with migration history in the context of regional social development policy. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 142-161. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-142-161

Введение

В научной литературе, в СМИ имеют место многочисленные публикации, в которых рассматриваются различные теоретико-методологические и прикладные вопросы семейной миграции, в том числе проблемы семей, участвующих в межгосударственных миграционных перемещениях (семей с детьми, семейных пар, разделенных семей, воссоединяющихся семей и пр.). Изучается, фиксируется, анализируется влияние этого участия на формы и характер семейных отношений, на воспитание и образование детей (их перемещение является по сути вынужденным, зависящим от родителей; перемещение жен также во многих случаях является вынужденным); избираемые этими семьями способы сбережения/сохранения традиционных для них семейных ценностей, испытывающих влияние социокультурной ситуации в принимающем обществе; способы адаптации семей к новым для них социокультурным условиям жизнедеятельности и т. п. В сфере внимания оказываются также социальные изменения в принимающем обществе, появление, масштаб и характер которых связаны с миграционным пополнением числа семей: они оказываются важным фактором, влияющим на семейность населения, изменяющим социокультурную среду принимающего общества, их совокупность образует подсистему сложившегося социального института семьи, видоизменяет и его, и взаимодействующие с ним иные социальные институты.

Представляется, что мигрантские семьи имеют больше шансов, чем мигранты-одиночки, стать в принимающей территории постоянным населением, «врасти» через детей (интегрироваться) в современную историю и перспективы социального развития страны, региона, населенного пункта. П. П. Лисицын, опираясь на результаты своих исследований, утверждает, что иммигрант, «наделенный определенными характеристиками (семейное положение, характер занятости и т. д.), с большей долей вероятности останется на долгий срок или будет стремиться получить постоянное местожительство» [1]; к похожему выводу приходят и некоторые зарубежные исследователи: так, Х. Yang [2] показал, что мигранты-одиночки в городах в отличие от семейных мигрантов часто считают себя временными жителями и, следовательно, с большей вероятностью снова мигрируют в ближайшем будущем.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы указывается, что «задачами миграционной политики являются... совершенствование правовых, организационных и иных механизмов, регулирующих и обеспечивающих... добровольное переселение в Российскую Федерацию на постоянное место жительства... лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество» [3]. Семейная миграция — важный ресурс роста постоянного населения — должна стать предметом специального интереса государственной власти, ставящей задачу социального и экономического развития и необходимого для этого прироста населения.

К сожалению, в настоящее время государственная (общая и ведомственная) статистика не «видит» такого субъекта международного миграционного процесса, как семья или семья с детьми, как семейную группу, ячейку, а фиксирует только отдельные количественные параметры перемещения семьи (например, въезд несовершеннолетних детей, семейное положение мигранта). По нашему мнению, имеет место некая теоретико-методологическая недостаточность и эмпирическая неопределенность, связанная с неразработанностью понятий «мигрантская семья» и «семья мигрантов», «семейная миграция», отсутствием их достаточно общепринятого понимания: в научных публикациях, в СМИ они широко используются, но зачастую даже номинально не описываются, поскольку представляются авторам публикаций интуитивно ясными, фиксирующими факт переезда, перемещения семьи из страны проживания в принимающий регион. И если для текстов в СМИ этого бывает достаточно, то научные тексты, статистический учет требуют логически корректного построения и использования понятий, отражающих предмет исследования или учета, указания на его существенные признаки. Так, требуют обсуждения существенные признаки семейной миграции, позволяющие достаточно строго выделить ее в миграционных процессах, дать ей количественные и качественные оценки, оценить механизмы и характер влияния на семейность населения, на региональную инфраструктуру семейности, на демографические тенденции, на социокультурную ситуацию в регионе; необходимо выявить признаки семьи мигрантов (мигрантской семьи), которые могли бы дать достаточно строгие основания для статистического учета или, например, для решения важного для государственного управления вопроса о том, когда мигрантская семья перестает быть мигрантской, какие качественные характеристики она для этого должна утратить или приобрести.

Сам факт международной семейной миграции в Россию и переживаемые в связи с этим последствия для приезжающих семей и для принимающего общества вызывает активный общественный интерес, освещается в СМИ. Так, «Независимая газета» [4], характеризуя миграционную политику РФ как стратегически невнятную и тактически противоречивую, описывает, в частности, весьма категоричные позиции «ряда экспертов», связывающих въезд гастарбайтеров с семьями с преимущественно негативными последствиями (ростом преступлений и правонарушений, совершаемых иностранными гражданами, в том числе против несовершеннолетних; угрозами сохранению духовных традиций и стабильности общества, рисками социально-политической напряженности, сокращения числа рабочих мест для коренных жителей; дополнительной нагрузкой на социальную сферу, здравоохранение, образование и т. д.; перспективами образования в стране закрытых анклавов, расширения бытовых насильственных конфликтов на почве этнической или религиозной розни), требующих ограничений и даже запрета на въезд в страну мигрантов с семьями.

MEDIA-MIG, позиционирующая себя в Telegram (https://t.me/media_mig_ru) как информационная и экспертно-аналитическая площадка по проблемам трудовой миграции, миграционной политики и регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, оппонирова «Независимой газете», приводит иные оценки последствий семейной миграции [5]: «приезд мигрантов в Россию вместе с близкими снижает уровень преступности в этой среде... при условии качественного включения каждого из членов такой семьи в принимающее общество... Приезд трудового мигранта с родными вполне может быть использован как позитивный фактор, ведь семейный человек объективно менее склонен к криминалу и дорожит безопасностью... Семейственность иностранных граждан... послужит хорошим подспорьем для нормализации трудовой миграции и укрепления российского общества». И, напротив, молодые мужчины, составляющие основную категорию миграции, — «категория, потенциально склонная к преступности и насилию, которая составляет основную опасность для российского общества».

Авторы статьи, для которых миграционные процессы представляют предмет специального научного интереса (один из соавторов посвятил проблемам миграционной политики докторскую диссертацию, другой является участником научного коллектива, реализующего научно-исследовательскую работу (НИР) на тему «Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России» при поддержке гранта Российского научного фонда, решили принять участие в обсуждении некоторых проблем миграции семей, в том числе предложить метод расчета количества семей, ежегодно прибывающих в Тюменский регион из стран СНГ (Киргизской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан), для приближенной количественной оценки семейной миграции, что позволит прогнозировать статистические тенденции и тем самым возможное изменение нагрузки на социальную сферу территории, обеспечивающую жизнедеятельность семей в регионе.

Литературный обзор

Обсуждение дефиниции

1. Миграционное поведение населения составляет традиционный предмет социологических исследований в России и в иных странах. Изучаются социальные

условия, факторы и мотивы его порождающие и стимулирующие, трудовая и демографическая структура миграционных потоков, статистика и пространственные аспекты различных видов миграции, проблемы социальной адаптации мигрантов и их интеграции в принимающее сообщество, самоорганизации складывающихся при этом территориальных этнических сообществ, сохранения их национальной социокультурной самобытности, социально-экономические и социально-демографические последствия миграции для принимающего региона, возможности и пределы управления миграционными процессами в интересах социального, экономического и политического развития территории. Значительный вклад в становление и развитие социологического знания миграции внесли российские социологи, демографы: Е. А. Варшавер, А. Г. Вишневский, А. В. Дмитриев, Г. Е. Зборовский, В. В. Локосов, А. Л. Маршак, В. И. Мукомель, Т. К. Ростовская, Л. Л. Рыбаковский, С. В. Рязанцев, В. А. Тишков; плодотворно занимались его приращением тюменские социологи: М. Л. Белоножко, Г. Ф. Куцев, А. Н. Силин, С. Г. Симонов, Н. Г. Хайруллина и др.

Мигранты могут приезжать на заработки, для учебы, лечения и т. д., однако при изучении возникающих при этом проблем необходимо принимать во внимание, приезжает ли мигрант с семьей, заводит ли семью на принимающей территории, ставит ли и реализует ли перед собой цель воссоединения с семьей, оставшейся на родине, и т. п. — это неоспоримо важные аспекты, изучение которых поможет лучше понять процесс интеграции мигрантов в российское общество. Изучение социологической литературы позволяет увидеть, что до настоящего времени в качестве участников (и статистических единиц), из совокупности которых формируются миграционные потоки, рассматриваются в большинстве случаев отдельно взятые трудовые, образовательные или иные мигранты, миграция семей статистически не фиксируется, недостаточно изучаются и проблемы семей мигрантов, и порождаемые этим процессом социальные проблемы принимающих территорий.

Можно утверждать, что в настоящее время еще недостаточно отечественных научных исследований проблем семей мигрантов, при том что они явственным образом ощущаются обществом, что достаточно велико количество трудовых мигрантов, нацеленных на то, чтобы укорениться, обжиться в России с семьей (супругой, детьми, старшим поколением). Участие семей в миграционных процессах изменяет практики родительства, семейные системы, характер семейных отношений, порождает новые их формы, новые типы семей (вторые, временные, дистантные семьи и т. п.). Это ставит новые проблемы и для миграционной, и для семейной политики власти, и для политики в сфере социально-экономического и социокультурного развития. Включение семей мигрантов в существующие социальные институты, встраивание их в сложившуюся связность местных социумов требует взаимной адаптации и приспособления, влияет не только на семьи приезжих, но и на принимающие структуры и институты, порождает трансформации в семейных отношениях, характерных для принимающего общества, что означает его определенное преобразование.

2. Международное право, регулирующее вопросы миграции, не дает общепринятых дефиниций понятия «мигрант» и понятий «семья мигрантов», «мигрантская

семья», «семейная миграция». В справочнике по терминологии в области миграции Международной организации по миграции прямо указывается, что «...на международном уровне не существует общепринятого определения. Обычно считается, что термин мигрант охватывает все случаи, когда решение о миграции человек принимает свободно, по причинам «личного удобства» и без вмешательства внешнего принудительного фактора. Этот термин применяется к лицам и членам семьи, переезжающим в другую страну или регион для улучшения своих материальных или социальных условий и улучшения перспектив для себя или своей семьи» [6].

В Международной конвенции о защите всех прав рабочих-мигрантов и членов их семей используется понятие «трудящийся-мигрант и члены его/ее семьи» — это «лица, состоящие в браке с трудящимися-мигрантами или состоящие с ними в таких отношениях, которые в соответствии с применимым правом могут быть приравнены к браку, а также находящиеся на их иждивении дети и другие лица, которые признаются членами семьи в соответствии с применимым законодательством или двусторонними или многосторонними соглашениями между соответствующими государствами» [7]. С формально-логической точки зрения мы имеем дело с номинальным определением понятия, описывающим круг лиц, на которых распространяется действие Конвенции. По тексту документа можно увидеть, что при употреблении этого словосочетания в ряде случаев в объеме обозначаемого им понятия мыслится семейная группа, ячейка и оно может пониматься как синоним понятий «семья мигрантов», «мигрантская семья»¹.

Не существует соответствующих дефиниций и в российском праве: так, в выше-названной Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации [3] используется понятие «иностранные граждане и их несовершеннолетние дети», которое, на наш взгляд, не может удовлетворить потребности социологического исследования проблем семей мигрантов, так как, во-первых, исключает из семейной группы совершеннолетних детей или дедушек и бабушек, нередко непосредственно участвующих в миграционном переходе семьи и в рамках транснационального подхода рассматриваемых в качестве членов транснациональной семьи; во-вторых, исключает из сферы исследования те семьи мигрантов, которые приобрели в установленном порядке российское гражданство — это важнейший признак семьи, его утрата формально прекращает миграционный статус семьи, но не прекращает ее миграционную историю: с приобретением гражданства процесс социокультурной адаптации членов семьи в принимающее сообщество отнюдь не заканчивается.

Авторы отечественных социологических публикаций при всем многообразии исследуемых ими аспектов жизнедеятельности семей, совершивших миграционный переход, во многих случаях не формулируют логически внятного определения понятий «семья мигрантов» или «мигрантская семья».

¹ По нашему мнению, следует все же различать два последних понятия, имея в виду прежде всего их использование при разработке методики социологического исследования: например, два мигранта-одиночки могут образовать семью мигрантов, но не мигрантскую семью — участницу практически всех этапов миграционного процесса; у них разные миграционные истории, разные условия автономности/устойчивости на каждой фазе жизненного цикла семьи.

Так, А. А. Авдашкин, исследуя на Южном Урале проблемы мигрантов из Киргизской Республики, не делает никаких отсылок на свою или чью-либо трактовку понятия «семья мигрантов», фиксирует при этом трансформирующее влияние ситуации в принимающем сообществе на семью мигрантов, в которой «... меняется отношение к традиции. ...Женщины в подобных семьях чаще пользуются косметикой, прибегают к разного рода косметическим процедурам (наращивание ресниц и пр.), меняют прически (и цвет волос). Контроль (включая проверку переписки и звонков в смартфонах) со стороны братьев и отцов не настолько тотален, круг общения обычно полиэтничен» [8].

В. С. Хамидулин в контексте рассматриваемой им теории ассимиляции затрагивает вопросы «способности семей иммигрантов, которые располагают некоторым человеческим капиталом, справляться с факторами, которые влияют на их жизнь в принимающей стране, то есть с особенностями социального контекста и политики правительства» [9], различает «консонантную аккультурацию»..., преобладающую среди детей в семьях «специалистов и иммигрантов с высоким объемом человеческого потенциала», и «диссонантную аккультурацию... в семьях рабочего класса, когда недостаток человеческого и социального капитала ведет к тому, что усвоение детьми иммигрантов ценностей и языка принимающего общества сопровождается отвержением ценностей и языка, связанных с их родителями» [9]. Полагая недостаточно обоснованным предположение о том, что диссонантная аккультурация прямо связана с недостатком человеческого и социального потенциала и поэтому «наблюдается в семьях рабочего класса» (по нашему мнению, не только в этих семьях), отметим, что и автор не раскрывает содержание понятия «семья мигрантов».

П. П. Лисицын, изучая содержание и границы миграционного процесса, не «видит» в качестве его участника семью как группу людей, связанных семейными отношениями; одновременно, выделяя категорию семейных иммигрантов, предлагает различать в качестве их формальных характеристик официальные документы: набор документов, подтверждающих цель приезда, а именно — воссоединение с семьей или гарантирующих брак; а в качестве неформальных характеристик — реальные, фиксируемые исследователем действия, направленные на удовлетворение цели приезда, то есть на воссоединение с семьей или регистрацию брака. Различая в миграционном процессе две составные части/этапа (получение статуса иммигранта и последующий выход из статуса иммигранта), полагает, что второй этап можно считать завершенным как в результате выезда или смерти иммигранта, так и при смене «статуса временного места жительства на постоянное» [1] — видимо, окончание миграционного процесса означает и формальное прекращение статуса «мигрант» или «семья мигрантов» для его участников. Иную позицию высказал А. М. Степанов [10], который в рамках транснационального подхода обнаруживает «продление» миграционного процесса после его формального завершения с принятием гражданства. Если в жизни семьи продолжают «транснациональные практики» — систематические поездки на родину и общение с оставшимися там родственниками, участие в политической жизни (в выборах) и т. д., то участие ее в миграционном процессе не заканчивается. Однако, на наш взгляд, такое представление о транснациональной семье не помогает определить, может ли наступить период,

момент жизни такой семьи, когда с точки зрения принимающего общества она утрачивает социальный статус «семья мигрантов»?

Ш. Ю. Акрамов, Ф. Ш. Акрамов, Ш. Ш. Гафурова, исходя из целей своего исследования, в качестве существенного признака семей, отнесенных ими к семьям мигрантов из Республики Таджикистан, указывают на гражданство, различая пять типов семей: «1) муж с женой — оба граждане Республики Таджикистан; 2) муж, жена с детьми — все они граждане Республики Таджикистан; 3) муж, жена с детьми — один из родителей гражданин России; 4) муж, жена с детьми — один из родителей и ребенок имеют гражданство России; 5) муж, жена с детьми — родители имеют двойное гражданство... Положение этих категорий семей мигрантов различается, однако между теми и другими нет четких границ» [11], фиксируют при этом важное наблюдение, что «... в Российском обществе не судят по наличию паспорта гражданина России, а какой нации ты принадлежишь. Поэтому семьи иммигрантов из Республики Таджикистана спустя 10 лет по статистике входят к числу старожилов, а в жизни относятся к ним как мигрантам» [11] (*примечание: цит. как в тексте*).

К сожалению, логика номинального определения не подразумевает указания на существенные признаки описываемого предмета, его применение авторами комментируемой публикации не проясняет их представления о содержании используемого ими термина, хотя и описывает признаки осуществленной группировки семей. Отметим, что в статье нет аргументации в отношении приписывания статистике права или обязанности признавать мигранта старожилом после 10 лет его пребывания в России. Не можем согласиться и с категоричностью процитированного утверждения об отношении к мигрантам с его видимой негативной коннотацией. Напротив, российское население чаще демонстрирует терпимость по отношению к мигрантам, даже если их поведение порой не соответствует общепринятым нормам и традициям. В вышеупомянутом исследовании «Семья в движении...» в ходе опроса представителей учительского коллектива одной из школ города Тюмени, в ученическом коллективе которой значительна доля детей из семей мигрантов из стран СНГ, на вопрос о том, когда, по мнению учителей, семьи мигрантов, с детьми которых они работают, перестают быть мигрантскими, был получен ответ: «Наши учителя вообще не называют эти семьи словом “мигрантская”, ну, приехала семья и что? Важно, как дети говорят по-русски. У нас, получается, основная масса таджиков, узбеков — либо с двойным гражданством, либо с гражданством Российской Федерации, без гражданства — единицы. Чтобы объяснить, что это мигранты, мы говорим «не говорящие», вот когда мы так сказали — “не говорящие”, вот тогда можно понять, что здесь, скорее всего, мигранты. То есть те, с которыми нужно усиленное работать».

Г. И. Осадчая [12], отмечая первостепенную значимость семьи как ценности для молодых мигрантов из Киргизской Республики, выявленную ею в исследовании, далее по тексту статьи, к сожалению, не освещает тему их личного семейного статуса, самочувствия их семей, важнейшую для анализа условий и факторов адаптации мигрантов в принимающее сообщество, не выделяет семейных мигрантов в структуре выборки, не

обсуждает особенности адаптации этой группы мигрантов, не выделяет эту группу в ходе анализа уровня социальной адаптации различных групп молодых мигрантов из Киргизской Республики.

В. М. Пешкова, исследуя концепт «транснациональное детство», обратила внимание на отсутствие «единого определения миграционного статуса несовершеннолетнего» [13], переезжающего вместе с родителями/родственниками и тем более остающегося в стране исхода в «мигрантском социальном пространстве» [13], что, на наш взгляд, порождает сложность теоретической интерпретации и статистической оценки детской миграции и вместе с ней семейной миграции, мигрантской семьи. Важной для нашей темы полагаем сделанную ею отсылку на исследование S. Johnsdotter в 2015 году [14] в связи с обращением к концепции «транснациональная семья», используемой в рамках транснационального подхода в исследованиях семейных отношений в условиях миграции: на практике в конкретных юрисдикциях, регулирующих свои модели семьи и отношения к детям, транснациональная семья может не существовать для семейного и миграционного права, для статистического учета.

А. Ю. Толмачева утверждает, что «миграция всей семьей зачастую облегчает вхождение в новые условия жизни, так как человек постоянно чувствует психологическую поддержку со стороны близких и значимых для него людей» [15], в рамках транснационального подхода рассматривает семейную миграцию «не как прямой путь с конечной точкой, а как двусторонний процесс постоянного взаимодействия мигрантов и со страной происхождения, и с новым местом проживания, процесс выстраивания нового межгосударственного социального пространства»; тогда объектом исследования становится «не мигрант как самостоятельный объект исследования, а расширенная семья, члены которой проживают в разных государствах, при этом постоянно сохраняя полноценное взаимодействие и эмоциональную вовлеченность в жизнь друг друга» [15]. Вместе с тем понимание «семейной миграции» как переезда «одного, нескольких членов или всей нуклеарной семьи» [15], на наш взгляд, недостаточно, неполно, так как не позволяет логически строго очертить границы объема данного понятия, когда в сферу внимания исследователя попадают, например, и те члены семьи в стране исхода (не только дети), которые физически, непосредственно в миграционном переходе вовсе не участвуют, или семейные мигранты-одиночки, жизнедеятельность которых в принимающей стране/регионе практически не имеет отношения к проблематике семейной политики органов власти, к функционированию социальной инфраструктуры семейной жизни.

О. Бредникова и Г. Сабирова, обсуждая результаты проведенного ими исследования особенностей родительства и родительских стратегий мигрантов, делают однозначный вывод о том, что «транснациональные контексты проблематизируют родительство. С одной стороны, они предоставляют новые шансы, с другой — становятся серьезным вызовом не только в связи с проблемами интеграции детей, но и в связи с необходимостью определить и создать своим детям ясную, комфортную и перспективную «систему координат»» [16]. Отметим, что по тексту статьи не описывается понимание ее авторами понятия «семья мигрантов», говорится о «семьях, вовлеченных в миграцию», «о детях с миграционной историей» [16].

Однако, по нашему мнению, признак вовлеченности в миграцию сам по себе недостаточен для дифференциации семей, указания на их специфику: миграционная история может быть найдена у большинства семей (история внутренней или внешней, временной или возвратной и т. п. миграции). Возможно, что своей миграционной историей обладают большинство семей — давней и недавней, окончившейся или продолжающейся, насыщенной негативными моментами или позитивными результатами, оставившей в жизни семьи неизгладимый след или легко позабытой и т. п.

В связи с этим считаем возможным сформулировать гипотетическое предположение — ответ на вопрос, когда мигрантская семья (семья с мигрантской историей) перестает быть, считаться мигрантской в принимающем обществе, теряет этот социальный статус, завершает в основном период своей адаптации к условиям в принимающем социуме: признак вовлеченности семьи в миграцию не стигматизирует семью «на веки вечные»; он может быть значимым для оценки ее социального статуса как мигрантской семьи, пока «исторический след» этой вовлеченности не перестает быть существенным для текущей жизнедеятельности семьи (и это может быть эмпирически зафиксировано, выявлено в самооценке членов семьи), когда он снижается в иерархии ценностно-ориентационных доминант и становится историко-культурным контекстом, фоном и для самоидентификации семьи и ее членов в принимающей стране/регионе, и для социального самочувствия семьи, характера ее отношений и взаимодействия с социальными институтами и иными акторами. Верификация данной гипотезы будет иметь значение для совершенствования мер миграционной и семейной политики по адаптации семей мигрантов в принимающем обществе, авторы предполагают посвятить ее обоснованию специальную статью.

Материалы и методы

Статистическая оценка миграционного обмена Тюменской области с иными регионами

Тюменская область как субъект Российской Федерации, демонстрирующий в XXI веке достаточно высокие результаты социально-экономического развития, является регионом-реципиентом, привлекательным для миграции. В таблице 1 приведены сведения о миграционном потоке в Тюменскую область (кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) в 2017–2021 гг.

Из таблицы следует, что основной миграционный обмен Тюменской области (без автономных округов) осуществляется в пределах России, имеют место достаточно интенсивные миграционные потоки, миграционный прирост населения (число людей, ежегодно прибывавших в регион в этот период, составляло 3–4 % от числа жителей региона на конец года). Основную массу миграционного прироста населения области в 2017–2021 гг. формирует миграционный обмен населением с другими странами, а именно со странами СНГ, в том числе наиболее весом миграционный приток населения из Республики Таджикистан.

Таблица 1

Миграция населения в Тюменской области (кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) в 2017–2021 гг. (человек) [17]

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
1. Прибыло — всего	63 435	65 430	62 941	51 567	53 685
в том числе:					
1.1. в пределах России	52 577	56 667	52 206	44 833	46 591
в том числе:					
внутри региона	35 323	37 942	35 893	30 090	31 535
из других регионов	17 254	18 725	16 313	14 743	15 056
1.2. из других стран	10 858	8 763	10 735	6 734	7 094
в том числе:					
1.2.1. из стран СНГ, всего	10 274	8 49	9 804	6 177	6 727
в том числе из:					
Киргизской Республики	1 752	817	1 291	526	830
Республики Таджикистан	2 855	2 338	1 279	1 102	1 349
Республики Узбекистан	1 990	1 246	550	338	262
1.2.2. из стран дальнего зарубежья	584	514	931	557	367
2. Выбыло — всего	47 848	49 747	47 292	45 492	41 916
в том числе:					
2.1. в пределах России	42 101	45 794	44 045	39 414	39 787
в том числе:					
внутри региона	28 864	31 821	30 378	26 722	27 099
в другие регионы	13 237	13 973	13 667	12 692	12 688
2.2. в другие страны	5 747	3 953	3 247	6 078	2 129
в том числе:					
2.2.1. в страны СНГ, всего	5 331	3 438	2 807	5315	1893
в том числе в:					
Киргизскую Республику	1 989	1 347	740	969	206
Республику Таджикистан	655	131	222	451	322
Республику Узбекистан	129	67	100	260	74
2.2.2. в страны дальнего зарубежья	416	515	440	763	236
3. Миграционный прирост, убыль (-) – всего	15 587	15 683	15 649	6 075	11 769
в том числе в результате:					
3.1. передвижений между регионами в пределах России	4 017	4 752	2 646	2 051	2 368
3.2. миграционного обмена населением с другими странами	5 111	4 810	7 488	656	4 965
в том числе:					
3.2.1. со странами СНГ	4 943	4 811	6 997	862	4 834
в том числе с:					
Киргизской Республикой	-237	-530	551	-443	624
Республикой Таджикистан	2 200	2 207	1 057	651	1 027
Республикой Узбекистан	1 861	1 179	450	78	188
3.2.2. со странами дальнего зарубежья	168	-1	491	-206	131
3.3. Миграционный прирост, убыль (-) на 1 000	10,5	10,4	10,2	3,8	7,6

Имея в виду предмет нашей статьи, следует констатировать, что статистических сведений о въезде семей из-за рубежа в Россию/регион не существует; формы документов, утвержденные действующими нормативными правовыми актами [18; 19], регламентирующими миграцию в Российской Федерации и ее статистический учет, регистрацию въезда семей как семейных групп, ячеек, не предусмотрены. Тем более на данный момент не существует статистики семей в стране/регионе, имеющих в своей истории миграционную составляющую (миграционную историю) — эти эпизоды семейной истории статистически отчетливо «видны» лишь в случае одномоментного переезда семьи в новый регион, когда только и можно без оговорок идентифицировать ее как семью мигрантов. Полагаем все же важным для анализа и оценки места и роли мигрантской семьи выделение этой категории в официальной статистике как единицы статистического учета.

Расчетный метод приближенной количественной оценки семейной миграции

В имеющихся условиях единственной возможностью оценки, например числа мигрантских семей, въезжающих в Россию/регион, является тот или иной способ агрегации отдельных фрагментов статистики из разных источников. В отсутствие такой возможности для приблизительной оценки этого значения авторы обратились к методу Ферми (Энрико Ферми (1901–1954), итальянский физик, наиболее известный своим вкладом в ядерную физику и развитие квантовой теории, за что был удостоен Нобелевской премии по физике 1938 года). Его суть заключается в том, чтобы на основе существующих косвенных данных сделать предположение, максимально близкое к неизвестному реальному значению. Данный метод достаточно широко используется в науке и бизнесе, когда в условиях малого количества времени и недостаточности данных требуется дать максимально точную оценку [20].

Ферми предложил для числовой оценки какого-либо феномена использовать косвенную информацию, которая на первый взгляд кажется недостаточной для того, чтобы дать результат. Согласно его идее, ряд последовательных приблизительных подсчетов позволяет уточнить итоговый ответ, определяя некий интервал, в который наиболее вероятно «попадет» искомое значение [21]. Показано [22], что, как правило, чем больше сделано допущений и оценок, тем больше ошибок в оценке компенсируется, а среднее значение оценок, полученных с использованием различных предположений и логик рассуждений, является более точным, чем каждое из них по отдельности.

Полагаем, что метод Ферми может иметь достаточно универсальное значение. В частности, он может оказаться полезным в прикладных социологических исследованиях для оценки объема и структуры генеральной совокупности.

Результаты и обсуждение

Попытаемся применить описанный метод к решению задачи — оценить число ежегодно приезжающих в Тюменскую область семей мигрантов из стран СНГ (а именно из Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Киргизской Республики, как это определено условиями гранта РНФ) для работы, обучения, лечения и т. п. Будем ис-

пользовать для этого официальные статистические данные об объеме миграционного потока из этих стран в область, его возрастной структуре и показателях детности семей в названных странах в 2017–2021 гг.

При этом учтем, что статьей 3 вышеуказанного Административного регламента [18], утвержденного приказом МВД РФ, установлено, что в отношении иностранного гражданина, не достигшего возраста восемнадцати лет, заявителями при предоставлении государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство, замене иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации являются родитель, усыновитель, опекун или попечитель. Можно сделать предположение, что в случае, если в миграционной службе МВД России обрабатывается такого рода заявление, то по существу происходит как бы регистрация факта въезда семьи с детьми в Россию/регион.

Официальных статистических сведений о возрасте мигрантов из Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Киргизской Республики, въехавших в Тюменскую область, в открытом доступе найти не удалось, в связи с этим приходится делать еще одно допущение, что доля граждан, не достигших возраста восемнадцати лет, среди всех граждан, въехавших из этих стран в регион в 2017–2021 гг., соответствует доле граждан данного возраста среди всех граждан, въехавших в этот период в регион из стран СНГ, то есть, как следует из таблицы 2 : $4\,086/41\,231 \times 100 = 9,9\%$. Исходя из этого рассчитаем количество граждан, не достигших 18 лет, в миграционных потоках из Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Киргизской Республики в 2017–2021 гг.

Таблица 2

Миграционный поток в Тюменскую область (кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) граждан в возрасте до 18 лет из стран СНГ, в том числе из Республики Таджикистан, Республики Узбекистан и Киргизской Республики в 2017–2021 гг., (человек) [23]

	2017	2018	2019	2020	2021	Всего
Прибыло из стран СНГ — всего	10 274	8 249	9 804	6 177	6 727	41 231
в том числе в возрасте 0–17 лет	398	520	1 318	868	982	4 086
в том числе из:						
Киргизской Республики, всего	1 752	817	1 291	526	830	5 216
в том числе в возрасте 0–17 лет (9,9 % от общего числа)	173	81	128	52	82	516
Республики Таджикистан, всего	2 855	2 338	1 279	1 102	1 349	8 929
в том числе в возрасте 0–17 лет (9,9 % от общего числа)	283	231	127	109	135	885
Республики Узбекистан, всего	1 990	1 246	550	338	262	4 386
в том числе в возрасте 0–17 лет (9,9 % от общего числа)	197	123	54	33	26	433

Примем во внимание имеющуюся информацию о средней детности семей в названных странах СНГ в 2017–2021 гг. К сожалению, официальная статистика этих стран практически ее не обнаружит, поэтому мы можем только опереться на опубликованные данные коллег — социологов, демографов, которые также носят в некоторых случаях оценочный характер. В частности, по сведениям А. А. Авдеева и И. А. Троицкой [24], в Киргизской Республике для городской семьи среднее число детей составляет 3,6, а для сельской семьи — 4,2; в большинстве семей из Республики Узбекистан, по оценке Ш. Г. Акрамовой и Н. Н. Юлдашева [25], — 2–3 ребенка; примем среднее этих чисел (соответственно, 3,9 и 2,5) за показатели средней детности семьи в этих странах. Если в 90-е годы в таджикской семье в среднем было 5–6 детей, сейчас уже лишь три ребенка [26].

Теперь мы можем оценить количество семей с детьми, въехавших в регион в 2017–2021 гг., разделив число граждан в возрасте до 18 лет (см. табл. 2), приехавших из страны, на среднее число детей в семье в соответствующей стране (табл. 3).

Таблица 3

**Оценка количества семей с детьми, въехавших в Тюменскую область
(кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов)
в 2017–2021 гг. (единиц)**

Прибыло семей с детьми из:	Всего	в том числе в:				
		2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Киргизской Республики	132	44	21	33	13	21
Республики Таджикистан	295	94	77	42	36	45
Республики Узбекистан	173	79	49	22	13	10

Безусловно, полученные значения необходимо проверить с помощью других способов сбора и анализа статистической информации, однако представляется, что описанный алгоритм позволяет в первом приближении оценить сравнительный «вклад» миграции семей из названных стран в увеличение социальной нагрузки на семейную инфраструктуру территории, необходимость корректировки мер социально-демографической и семейной политики в регионе.

Выводы

Существующая теоретико-методологическая ситуация неопределенности понятия «семья мигрантов», невнимание исследователей к требованию разработки и использования логически строгой терминологии, продемонстрированные выше по тексту, снижают достоверность и прикладную значимость результатов эмпирических социологических исследований семей, совершающих/совершивших международный миграционный переход, препятствуют достижению понимания механизмов взаимодействий, взаимовлияния семей мигрантов и принимающего социума, претерпевающих в этих взаимодействиях порой серьезные изменения, не позволяющие оценить масштабность влияния се-

мейной миграции на социокультурную сферу принимающей территории в целом и на инфраструктуру семейной политики, реализуемой органами государственной власти, значение этого процесса для современного и будущего состояния общества. Авторами сформулированы гипотеза об изменениях ценностно-ориентационной сферы мигрантской семьи (семьи с мигрантской историей), накопление которых дает основание для вывода о завершении (в основном) периода адаптации семьи к условиям жизни в принимающем обществе, а также предложение о выделении мигрантской семьи как категории (единицы статистического учета) в официальной статистике в расчете на то, что по мере уточнения термина «семья мигрантов», «мигрантская семья» может настать время для реализации этого предложения.

В статье описана попытка приближенной оценки объема миграционного потока семей в 2017–2021 гг. в южные районы Тюменской области из трех стран СНГ: Киргизской Республики, Республики Узбекистан и Республики Таджикистан, использован для этого метод Ферми. Несомненно, описанная методика требует проверки на фактических данных. Тем не менее предложенный алгоритм способен масштабироваться, его можно применить к другим регионам или к другим исследовательским задачам в той мере, в какой он сможет дать приближенную количественную оценку социального явления, процесса. Исследовательская практика в конечном итоге даст свое заключение о применимости метода в целом или для некоего класса задач.

Проделанный авторами расчет показал, что в этот период из названных стран прибыли на территорию Тюменской области 600 семей — полагаем, эта численность прибывших достаточна, чтобы вызвать определенное напряжение в работе инфраструктуры региона, обеспечивающей жизнедеятельность семей. Информация о числе семей, прибывающих в регион для работы, обучения, лечения и т. п., значима, позволяет, на наш взгляд, углубить представления о миграционных процессах на территории региона как важном факторе, влияющем на его социально-экономическое развитие. Представляется необходимым комплексно оценивать семейную миграцию как отдельную форму миграционного поведения, требующую изучения, понимания его влияния на социальные процессы в регионе, учета этого влияния на государственном и муниципальном уровнях в целях обеспечения бесконфликтной адаптации и интеграции мигрантских семей в принимающее сообщество, повышения уровня социального благополучия всех семей, проживающих в регионе.

Список источников

1. Лисицын, П. П. Границы и содержание миграционного процесса : теоретическое определение и операционализация объектов миграционных исследований / П. П. Лисицын. – DOI 10.14515/monitoring.2017.1.02. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2017. – № 1 (137). – С. 11–28.
2. Yang, X. Determinants of Migration Intentions in Hubei Province, China : Individual versus Family Migration / X. Yang. – DOI 10.1068/a32114. – Direct text // Environment and Planning A : Economy and Space. – 2000. – Vol. 32, Issue 5. – P. 769–787.

3. Указ Президента Российской Федерации «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» : введ в действие с 31.10.2018. – Москва, 2018. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102485445&intelsearch>. – Текст : электронный (дата обращения: 01.06.2023).
4. Трифонова, Е. Поток гастарбайтеров с семьями стал стратегическим фактором. Миграционной политике не хватает последовательности / Е. Трифонова. – Текст: электронный // Независимая газета. – 2023. – 10 янв. – URL: https://www.ng.ru/politics/2023-01-10/1_8630_migrants.html (дата обращения: 10.01.2023).
5. Малиновская, Р. Семейная миграция в Россию. Фактор риска / Фактор безопасности / Р. Малиновская. – Текст : электронный // MEDIA-MIG : сайт. – 2023. – 20 янв. – URL: <https://media-mig.ru/problems/eksperty-sporyat-ob-ugroze-rosta-klanovosti-sredi-migrantov-mneniya-radikal-no-razdelilis/> (дата обращения: 23.01.2023).
6. Справочник по терминологии в области миграции (русско-английский). – Текст : электронный. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/handbook_on_migration_terminology.pdf (дата обращения: 01.06.2023).
7. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. – Текст : электронный // Организация Объединенных наций : официальный сайт. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml
8. Авдашкин, А. А. Киргизы на Южном Урале : между локальными группами и принимающим сообществом / А. А. Авдашкин. – DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-232-248. – Текст : непосредственный // Этнография. – 2021. – № 4 (14). – С. 232–248.
9. Хамидулин, В. С. Теоретические подходы к исследованию проблем инкорпорации иммигрантов в принимающее сообщество / В. С. Хамидулин. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – № 1 (35). – 2016. – С. 49–60.
10. Степанов, А. М. Транснациональные практики : к вопросу об определении понятия / А. М. Степанов. – DOI 10.25990/socinstras.pss-10.hw0r-r876. – Текст : непосредственный // Петербургская социология сегодня. – 2018. – № 10. – С. 38–49.
11. Акрамов, Ш. Ю. Семьи мигрантов из Таджикистана в России / Ш. Ю. Акрамов, Ф. Ш. Акрамов, Ш. Ш. Гафурова. – Текст : непосредственный // Социальная среда и социальная политика : новые подходы и инновационные технологии. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5, № 5 / Под редакцией С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской, З. Х. Саралиевой. – Москва : Экон-Информ. – 2019. – С. 193–199.
12. Осадчая, Г. И. Оценка уровня социальной адаптации молодых мигрантов в мегаполисе / Г. И. Осадчая. – DOI 10.15838/esc.2021.1.73.13. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 186–198.
13. Пешкова, В. М. Транснациональное детство. Часть I : постановка вопроса и обзор основных теоретико-методологических подходов / В. М. Пешкова. – DOI 10.14515/monitoring.2021.4.1803. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2021. – № 4. – С. 451–467.

14. Johnsdotter, S. European Somali Children Dumped? On Families, Parents, and Children in a Transnational Context / S. Johnsdotter. – DOI 10.1080/13691457.2013.844682. – Direct text // *European Journal of Social Work*. – 2015. – Vol. 18, Issue 1. – P. 81–96.
15. Толмачева, А. Ю. Семьи мигрантов из постсоветских государств : между родиной и Россией / А. Ю. Толмачева. – DOI 10.19181/vis.2022.13.3.830. – Текст : непосредственный // *Вестник Института социологии*. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 49–69.
16. Бредникова, О. Дети в мигрантских семьях : родительские стратегии в транснациональных контекстах / О. Бредникова, Г. Сабирова. – Текст : непосредственный // *Антропологический форум*. – 2015. – № 26. – С. 127–152.
17. Статистический ежегодник. Тюменская область (кроме Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа) (1990–2021) / в 2 частях в 4 томах, часть I (1990–2016), часть II (2017–2021). – Текст : электронный // Тюменьстат : официальный сайт. – URL: <https://72.rosstat.gov.ru/ofpublic/document/72225> (дата обращения: 10.01.2023).
18. Приказ МВД России от 11 июня 2020 г. № 417 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство, замене иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации». – Текст : электронный. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/74344224/paragraph/1:0> (дата обращения: 20.01.2023).
19. Приказ Федеральной службы государственной статистики от 15 сентября 2020 г. № 545 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению для организации федерального статистического наблюдения за миграцией населения» (с изменениями и дополнениями). – Текст : электронный. – URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/74653830/paragraph/1:0> (дата обращения: 20.01.2023).
20. Anderson, P. M. Applying the Fermi estimation technique to business problems / P. M. Anderson, C. A. Sherman. – Text : electronic // *Journal of Applied Business and Economics*. – 2010. – Vol. 10, Issue 5. – URL: <http://t.www.na-businesspress.com/JABE/Jabe105/AndersonWeb.pdf> (дата обращения: 27.01.2021).
21. Derry, G. N. What Science Is and How It Works / G. N. Derry. – Princeton : Princeton University Press, 2002. – 328 p. – Direct text.
22. Vul, E. V. Measuring the crowd within : Probabilistic representations within individuals / E. V. Vul, H. Pashler. – Direct text // *Psychological Science*. – 2008. – Vol. 19, Issue 7. – P. 645–647.
23. Витрина статистических данных. – Текст : электронный. – URL: <https://showdata.gks.ru/> (дата обращения: 10.01.2023).
24. Авдеев, А. А. Особенности и факторы демографической динамики в Киргизской Республике / А. А. Авдеев, И. А. Троицкая. – DOI 10.3897/porecon.5.e67183. – Текст : непосредственный // *Население и экономика*. – Т. 5, № 2. – С. 29–54.
25. Акрамова, Ш. Г. Семья в Узбекистане : переход от многодетной к среднететной семье / Ш. Г. Акрамова, Н. Н. Юлдашев. – Текст : непосредственный // *Демографический потенциал стран ЕАЭС : Сборник статей VIII Уральского демографического форума. Том 1* / Под редакцией А. И. Кузьмина. – Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2017. – С. 275–279.

26. Минздрав Таджикистана предлагает женщинам реже рожать? – Текст : электронный. – URL: <https://www.currenttime.tv/a/29521481.html> (дата обращения: 20.01.2023).

References

1. Lisitsyn, P. P. (2017). The scope and content of the migration process: theoretical definition and operationalization of objects of migration studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1(137)), pp. 11-28. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.02
2. Yang, X. (2000). Determinants of Migration Intentions in Hubei Province, China: Individual versus Family Migration. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 32(5), pp. 769-787. (In Russian). DOI: 10.1068/a32114
3. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O Kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2019-2025 gody". (In Russian). Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102485445&intelsearch>
4. Trifonova, E. (2023). Potok gastarbayterov s sem'yami stal strategicheskim faktorom. Migratsionnoy politike ne khvataet posledovatel'nosti. (In Russian). Available at: https://www.ng.ru/politics/2023-01-10/1_8630_migrants.html
5. Malinovskaya, R. (2023). Semeynaya migratsiya v Rossiyu. Faktor riska / Faktor bezopasnosti. (In Russian). Available at: <https://media-mig.ru/problems/eksperty-sporyat-ob-ugroze-rosta-klanovosti-sredi-migrantov-mneniya-radikal-no-razdelilis/>
6. Handbook on migration terminology (Russian-English) (2011). (In Russian). Available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/handbook_on_migration_terminology.pdf
7. Mezhdunarodnaya konventsia o zashchite prav vseh trudyashchikhsya-migrantov i chlenov ikh semey. (In Russian). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml
8. Avdashkin, A. (2021). The Kyrgyz in the Southern Urals: Between Local Groups and the Host Community. *Etnografika*, (4(14)), pp. 232-248. (In Russian).
9. Khamidulin, V. S. (2016). Theoretical perspectives in immigrant incorporation research. *Humanities Research in the Russian Far East*, (1(35)), pp. 49-60. (In Russian).
10. Stepanov, A. M. (2018). Transnatsional'nye praktiki: k voprosu ob opredelenii ponyatiya. *Petersburg sociology today*, (10), pp. 38-49. (In Russian). DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.hw0r-r876
11. Akramov, Sh. Yu., Akramov, F. S., & Gafurova, Sh. S. (2019). Migrants' families from Tajikistan in Russia. Social environment and social policy: New approaches and innovative technologies. Moscow, Ekon-Inform Publ., pp. 193-199. (In Russian).
12. Osadchaya, G. I. (2021). Assessing the level of social adaptation among young migrants in the megapolis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), pp. 186-198. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.13

13. Peshkova, V. M. (2021). Transnational Childhood. Part I: The Review of Theoretical Approaches and Formulation of the Research Question. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), pp. 451-467. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1803
14. Johnsdotter, S. (2015). European Somali Children Dumped? On Families, Parents, and Children in a Transnational Context. *European Journal of Social Work*, 18(1), pp. 81-96. (In English). DOI: 10.1080/13691457.2013.844682
15. Tolmacheva, A. Yu. (2022). Families of migrants from post-soviet states: between homeland and Russia. *Bulletin of the institute of sociology*, 13(3), pp. 49-69. (In Russian). DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830
16. Brednikova, O., & Sabirova, G. (2015). Children in Migrant Families: Parenting Strategies in Transnational Contexts. *Forum for anthropology and culture*, (26), pp. 127-152. (In Russian).
17. Statisticheskii ezhegodnik. Tyumenskaya oblast' (krome Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga - Yugry i Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga) (1990-2021) / v II chastyakh, v 4 tomakh, chast' I (1990-2016), chast' II (2017-2021). (In Russian). Available at: <https://72.rosstat.gov.ru/ofpublic/document/72225>
18. Prikaz MVD Rossii ot 11 iyunya 2020 g. No 417 "Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii po predostavleniyu gosudarstvennoy uslugi po vydache inostrannym grazhdanam i litsam bez grazhdanstva vida na zhitel'stvo, zamene inostrannym grazhdanam i litsam bez grazhdanstva vida na zhitel'stvo v Rossiyskoy Federatsii". (In Russian). Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/74344224/paragraph/1:0>
19. Prikaz Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki ot 15 sentyabrya 2020 g. No 545 "Ob utverzhdenii form federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya s ukazaniyami po ikh zapolneniyu dlya organizatsii federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya za migratsiey naseleniya" (s izmeneniyami i dopolneniyami). (In Russian). Available at: <https://ivo.garant.ru/#/document/74653830/paragraph/1:0>
20. Anderson, P. M., & Sherman, C. A. (2010). Applying the Fermi estimation technique to business problems. *Journal of Applied Business and Economics*, 10(5), pp. 1-10. (In English). Available at: <http://t.www.na-businesspress.com/JABE/Jabe105/AndersonWeb.pdf>
21. Derry, G. N. (2002). *What Science Is and How It Works*. Princeton, Princeton University Press, 328 p. (In English).
22. Vul, E., & Pashler, H. (2008). Measuring the crowd within: Probabilistic representations within individuals. *Psychological Science*, 19(7), pp. 645-647. (In English).
23. Vitrina statisticheskikh dannykh. (In Russian). Available at: <https://showdata.gks.ru/>
24. Avdeev, A. A., & Troitskaya, I. A. (2021). Features and factors of demographic dynamics in the Kyrgyz Republic. *Population and Economics*, 5(2), pp. 29-54. (In Russian). DOI: 10.3897/popecon.5.e67183

25. Akramova, Sh. G., & Yuldashev, N. N. (2017). Family in Uzbekistan: transition from the large to the medium-size family. Demograficheskiy potentsial stran EAES: Sbornik statey VIII Ural'skogo demograficheskogo foruma. Tom 1. Ekaterinburg, Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN Publ., pp. 275-279. (In Russian).

26. Minzdrav Tadzhikistana predlagaet zhenshchinam rezhe rozhat'? (In Russian). Available at: <https://www.currenttime.tv/a/29521481.html>

Информация об авторах / Information about the authors

Ткачева Нина Алексеевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, главный научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7545-6358>

Юдашкин Андрей Валентинович, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, младший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Тюмень, ajelers@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-1043>

Nina A. Tkacheva, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Professor at the Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Main Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7545-6358>

Andrey V. Yudashkin, Postgraduate at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, Junior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, ajelers@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-1043>

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 01.11.2023.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 01.11.2023.